

лиз современного общества, его кризисного состояния, автор монографии о французской бюрократии с неизбежностью пришел к рассмотрению современного общества в целом как “бюрократического”, анализ бюрократии поднял до высоты политического анализа.

Исследованию бюрократической динамики общества у него логически предшествует анализ кризисного состояния современных демократий на Западе и французского общества в частности.

Пережив острый социально-политический кризис 1968 года, который М.Крозье рассматривает как реакцию интеллектуальных кругов на крайнюю степень бюрократизации французского общества, Франция, наряду с другими развитыми государствами мира, прошла через кризисы 1974–1975 годов и начала 80-х, которые по единодушному признанию тогдашней правящей элиты были сравнимы разве что с “великой депрессией” 30-х годов. Кризис 1974–1975 годов хозяйство Франции перенесло тяжелее, чем экономика других государств. Резко ухудшились общие условия воспроизводства: сократились темпы роста промышленного производства, уменьшились производственные инвестиции, значительно выросли цены, увеличился уровень безработицы, участились забастовки. Важным аспектом этого кризиса и последовавших за ним процессов развития французского общества стал кризис институтов социального контроля, государственно-административных механизмов регулирования общества и, в частности, кризис институтов власти. Возникла острая необходимость в анализе причин управленческо-бюрократического кризиса и поиска путей конструктивного реформирования социального организма. Именно эти аспекты исследования общества и стали главной темой крупнейших работ французского ученого начиная с 70-х годов. Такие известные труды М.Крозье как “Блокированное общество” (1970 г.), “Актер и система” (1977 г.), “Общество не изменяется декретами” (1979 г.) и, наконец, “Современное государство — скромное государство” (1987 г.)

составляют единый цикл работ, объединенных общей концепцией видения современного кризиса общества, прежде всего как бюрократического кризиса и поиска новой стратегии преобразования, новой логики реформирования этатизированного, сильно централизованного французского государства.

Основой анализа “заблокированного в бюрократическом ошейнике”, по образному выражению французского исследователя, современного общества является исследование проблем власти. Теория власти в концепции бюрократического кризиса общества М.Крозье — необходимый логический этап в раскрытии главных тем его анализа, ядра его социально-политической доктрины — концепции бюрократии и теории “социального изменения”. Желание вскрыть сущность власти и динамики властных институтов претворяется в работах Крозье в создание оригинальной, но несколько формализованной и метафизически окрашенной концепции функционирования власти, которая, однако, позволяет по-новому взглянуть на эти явления и многое в них прояснить.

В последних своих работах Крозье обращается к анализу политического кризиса общества, который он считает не зависящим от частных особенностей социально-политического режима общества, поскольку в основе любого общества лежат организационные составляющие его развития.

Главной темой его исследований становится изучение роли государства в процессе реформирования общества. Оставаясь в рамках общей инструментальной традиции понимания государства, которая характерна для западной государственоведческой мысли Нового времени и которая представляет его как инструмент, механизм, институт в ряду многих прочих, призванный разрешать конкретные социально-экономические и социально-политические проблемы, Крозье, однако, пытается увидеть в нем отголоски некоей метафизической идеи. Последняя, по его мнению, способствовала сакрализации этого института в глазах граждан и, однако, ныне эта идея перестает существовать. Смерть “государства-бога” заставляет пересмотреть восприятие

института государства и его функций в современном обществе. Более того, переоценка отношения к государству, его десакрализация является первейшей задачей современного общественного сознания. Успешность ее реализации должна стать одной из основ благополучного воплощения в действительность новой логики реформирования современных обществ.

Круг представленных проблем составляет основу построения монографии.

Серьезнейшим явлением современной российской действительности является размышление об общих основаниях социального кризиса, в том числе кризиса власти и бюрократизированных систем, а также восприятие новейших достижений европейской мысли о стратегии реформирования общества. Именно этим вопросам посвящены центральные главы монографии.

Важность государствоведческой проблематики как общей канвы преобразования современных обществ делает необходимым краткий обзор развития западной мысли о государстве, которая, начав с этического мышления о нем, пришла в своих крайних редукционистских вариантах к идее видения его как “аппарата правительства”. Недостатки и пробелы нашего обществоведения в плане инструментального осмысления идеи государственности очевидны и потому важно осознание этого течения западной мысли. Обзору инструментального видения государства посвящена третья глава книги.

Особенности российского менталитета и традиций мышления о государстве в “этической перспективе” создают своеобразие культурологического фона современного посттоталитарного этапа государственного реформирования бюрократизированного общества в нашей стране. А потому необходимым представляется анализ специфических параметров кризиса идентичности, который мы сегодня переживаем. Именно этим вопросам посвящен заключительный раздел книги.

Глава I. Кризис современного общества

1. Методология понимания общества М.Крозье

Разные аспекты кризиса общества, которые рассматривает известный социолог и политолог, ныне профессор социологического отделения Института политических исследований в Париже Мишель Крозье, объединяются на уровне теории и методологии анализа таким общим понятием, каким является понятие “социального действия”.

Главным предметом исследования М.Крозье, как и большинства западных социологов последних десятилетий, является именно “социальное действие”, понятие, которое заняло настолько центральное место в трудах ученых, что сама западная социология нередко определяется как наука о социальном действии. В современной социологической литературе выделяют два главных направления исследования теорий социального действия. Представители первого идут от общества через взаимодействие к индивиду, сторонники второго — от индивида через взаимодействие к обществу. К первым относятся концептуальные схемы Д.Мида, Р.Макайвера и других. Ко вторым — теоретические построения М.Вебера, Т.Парсонса, Ф.Знанецкого и других (7). Крозье примыкает к веберовской традиции его осмысления.

Концепции социального действия в западной социологии теснейшим образом связаны с теорией и методологией структурного функционализма (8). О сильном влиянии последнего на свою теорию автор “Бюрократического феномена” заявил во введении к своей книге (9).

Следуя функционалистской традиции, Крозье выделяет в качестве исходной единицы исследования “первичные человеческие поведения” (10), на основе которых возникают “взаимодействия” (interaction) людей в обществе (11).

В итоге в самом общем виде общество являет собой совокупность человеческих отношений. “Ткань различных

систем действия составляют человеческие отношения”, — пишет он (12).

Обладая некоторой свободой выбора и руководствуясь определенным “расчетом”, люди в процессе “социального действия” взаимодействуют между собой и осуществляют различного рода социальные “обмены”. Начало такому подходу положил парсоновский “аналитический реализм”, который, стремясь преодолеть односторонность учений материализма и идеализма, хотел создать чистую научную теорию через открытие в обществе максимально простых “элементов” или “конечных социальных единиц”. Открытие этих элементов, по заверениям функционалистов, имеет такое же важное значение для обществоведения, как открытие органической клетки для биологии, элементарных частиц для физики или “материальных точек” для теоретической механики. Такими “простыми элементами” функционалисты называли единичные социальные действия, поступки человека. Совокупность их образует то, что они определяли как “социальную систему взаимодействия многих людей”.

Такая установка вытекает в конечном счете из главного функционалистского постулата о целостном характере исследуемого объекта, социальной системы, которая, однако, приводит к одностороннему акценту на взаимозависимости элементов системы, на выделении связей взаимодействия как основополагающих ее элементов.

Однако общество у Крозье не просто совокупность взаимодействий, это — система. Системный характер социального ансамбля, указывает Крозье, не позволяет реформировать его или изменять через волевое решение одного или даже большинства индивидов. Более того, результаты коллективного усилия часто оказываются совершенно противоположными тому, чего хотели в начале действия его участники. Возникают так называемые “обратные аффекты”. Или как он их называет “порочные последствия” (*effet pervers*). Их не следует объяснять политикой каких-либо сил зла или наверху или внизу иерархической социальной лест-

ницы — они представляют собой неизбежное следствие отношений взаимозависимости между людьми (13).

Но тот же системный характер общественного устройства позволяет избежать жесткого детерминизма, который мог бы превратить человека в игрушку для всех сил, влияющих на него. “Никто не запрограммирован. Системы, конечно, ориентируют действия людей, но не детерминируют прямо то, что они делают”, — пишет он (14).

Всякая система нуждается в минимуме регуляций, иначе ей угрожает энтропия, т.е. деградация, — общий закон всякой нерегулируемой системы. Социальные системы отличаются от абстрактных ансамблей в теории систем тем, что являются “человеческими конструктами” (*construit humain*) (15), результатом истории людей, что создает возможность их регулирования и изменения.

Постулат функционализма о равенстве всех элементов системы, о невозможности приоритета экономических отношений приводит Крозье к крайности почти полного игнорирования экономических отношений, или во всяком случае непризнания их макросоциальной объясняющей роли. В результате трактовка социального взаимодействия психологизируется, концентрируясь на объяснении главным образом мотивов и интересов, руководящих человеческим поведением.

Неразрешимость проблемы каузального анализа, проблемы связи объяснения социальных явлений с закономерностями движения макросоциальных процессов претворяется у него в идею формализации системного анализа в терминах “игровой модели”. Крозье предлагает во всем многообразии взаимоотношений людей в обществе выделить “относительно стабильные модели отношений”, которые являются наиболее характерными и значимыми для данного общества, и рассматривать их как “игры” (16).

Люди, сталкиваясь между собой и взаимодействуя, вступают в переговорные отношения, в результате чего кристаллизуются определенные “правила игры” (17).

Последние объективируются в различных социальных институтах и организациях и в этом смысле выступают по отношению к индивиду как “внешние принуждения”, или ограничения, механизмы которых не доступны его прямому вмешательству. Через них осуществляется “косвенная регуляция” поведений участников игры — “актеров”. “Сознательного индивида развитого общества не заставляют подчиняться императивным приказам или детерминизмам, ускользающим от его воли. Его принуждают сами правила игры, через которые он выражает свою свободу выбора” (18).

Игры лежат в основе всех коммуникаций людей в обществе. “Они — инфраструктура всех систем, в которых организуется наша деятельность, включая сюда самую сложную ее разновидность — общество в целом” (19).

Существование их оставляет игроков свободными, но они быстро научаются понимать, что шансы на успех у них появятся только в случае, если они подчинятся правилам и поймут “дух игры” (*esprit de jeu*).

Однако, с другой стороны, поскольку игры и их правила творятся самими людьми в процессе их социального действия и в конечном счете являются кристаллизацией предыдущих результатов переговоров между ними, то, хотя существующие правила игры и выступают в качестве принудительных, они могут быть заменены другими через социальное экспериментирование с новыми моделями отношений и через “обучение” им участников в процессе такого экспериментирования.

Заимствование терминологии из математической “теории стратегических игр” с целью использования отдельных ее положений в качестве общей теории явление довольно распространенное в современной западной социологии (20).

Отдавая дань ее эмпирической традиции, отличающейся особым вниманием к математическим методам исследования, Крозье анализом в “терминах игры” пытается придать своей концепции строгость математических доказа-

тельств. Однако в действительности функции “игровых концептов” не превосходят функций метафор.

“Игровая” терминология не только не углубляет анализа общественных процессов, но заводит исследование в тупик и придает рассуждениям мистическую окраску. Как верно указывает французский критик Ален Кайе: “Утверждение об универсальности игровой модели у М.Крозые совершенно неудовлетворительно. Если есть игра, то необходимо объяснить, кто или что определяет правила игры, иначе возникает подозрение, что история, т.е. модификация правил игры, происходит якобы по правилам некоей уже установленной метаигры. Но какой? Как он верно отмечает далее, введение абстракции игры практически ничего не дает в смысле усиления анализа общества и поэтому замена ею классового анализа вряд ли является оправданной (21).

Понятия “игры” и “правил игры” выполняют и еще одну функцию в построениях Крозые — функцию связи между двумя автономными, изолированными подсистемами общества — индивидом и социальным институтом. Выступая в качестве посреднического звена между этими двумя элементами структуры, “правила игры” являются, с одной стороны, институциональными ограничениями и регуляциями для индивидов, а с другой, творением самих людей.. Синтез этих трех составных частей общественного организма (индивида, институтов и “правил игры”) составляют схему, напоминающую парсоновскую. В самом деле, система социального действия Т.Парсонса состоит из трех компонентов — структуры личности, включающей ее ожидания и мотивы поведения (у Крозые ей соответствует “актер”, ведущей характеристикой которого выступает “рациональный расчет”); социальной структуры, содержанием которой является взаимодействие индивидов в рамках определенных институтов (у Крозые содержанием социальной структуры является взаимодействие индивидов в урегулированном правилами или институциональными ограничениями “поле социального действия”) и культурной системы в форме зна-

ков и символов, которые выступают как средства передачи социального опыта и опосредуют поведение индивидов (у Крозье эту функцию выполняют “правила игры”, служащие посредником между индивидами и обществом).

Центральным понятием концепции общества М.Крозье, синтезирующим такие его характеристики, как взаимодействие, системы и игры, является понятие “коллективная ткань” (*tissu collectif*). Под ней он подразумевает “весь ансамбль отношений (от самых спонтанных до самых институированных), игр (более или менее формализованных), систем профессионального, экономического, социального, культурного обменов; ансамбль, без которого деятельность индивидов была бы невозможной” (22). Функционалистский принцип равенства всех уровней системы, влияющих на ее функционирование, приводит к определенному эклектизму понятия “коллективной ткани” и механическому соединению в нем понятий разной природы — “отношений”, “игр”, “систем”, “обменов”, поскольку не проясняется соподчиненность этих атрибутов “коллективной ткани”.

Как и в большинстве теорий, опирающихся на методологию структурного функционализма, в концепции Крозье отсутствует каузальный и исторический анализ. Необходимость размышления о движущих силах развития общества, о закономерностях его изменения он заменяет эволюционистским постулатом о движении общества в сторону “нарастающей сложности”.

“Коллективная ткань” составляет главный “капитал” общества. По его качеству социальные ансамбли различаются между собой, он является главным условием их развития. Общества, отличающиеся богатой “коллективной тканью”, создают благоприятные условия для расцвета личности и инициативы индивида. Последний оказывается глубоко вовлеченным в социальную жизнь, отличается активностью и сознательным участием в общественных процессах. Напротив, в обществах с обедненной “коллективной тканью” отмечаются поведения “ухода” и “бегства” от дей-

ствительности, так как количество выборов, равно как и принуждений, в них ограничено. Единственным средством для человека сохранить в них свою независимость является его “не-участие”.

Современное общество и его “коллективная ткань”, пишет Крозье, испытывают состояние “кумулятивного нарастания сложности” (23).

Этот процесс он считает своего рода естественным изменением, проявлением “непреодолимой тенденции к росту взаимосвязей (interaction) между людьми”. Последняя, по его мнению, присуща самому процессу эволюции цивилизации, “конститутивна развитию общества” (24).

В конечном счете она должна привести к новому типу постиндустриальных обществ — “сложному обществу” (société complexe) (25).

Для такого социального ансамбля характерно то, что на первый план в нем выходит “проблема сложности” и сопутствующая ей “проблема путаницы”, а вовсе не “проблема угнетения”, пишет автор (26).

Развитие новых средств коммуникации — телевидения, радио и других, их мгновенность увеличили общую информированность людей и тем самым еще более снизили вероятность их социального принуждения. Естественным следствием всех этих изменений явилось уменьшение возможности контролировать поведение актера. Хотя он пока не может “пробить брешь в системе”, но все же он устраивается таким образом, чтобы избежать прямых давлений, и постоянно обходит ограничения и принуждения системы. Последняя становится от этого намного менее предвидимой, ее традиционные регуляции теряют свою эффективность.

Неадекватность современных средств социального контроля политического уровня изменившимся “условиям игры” и является, по Крозье, главной причиной кризиса. “Главная проблема наших западных обществ, — пишет он, — глубокий кризис наших моделей управления перед лицом роста сложности и человеческой свободы”. Или иначе: “Со-